

ОДИН НА ОДИН С СОВЕСТЬЮ

В ЭТУ книгу В. Тендрякова вошли три повести и два очерка: произведения, известные читателю, хотя и не все в равной степени. О повестях «Суд» и «Тройка, семерка, туз» критика в свое время много спорила, «Находка» же, опубликованная два года назад в журнале «Наука и религия», прошла незамеченной: о ней-то и хочется поговорить.

Когда читаешь повести вместе, подряд, понимаешь движение мысли автора. Испытываешь нечто похожее на то, что чувствует герой «Находки» — инспектор рыбнадзора Трофим Русанов: на последней странице повести он шагает по «чугунно-смерзшейся дороге, бережно несет в себе благодатную усталость путника, дошедшего до конца пути. И еще с такой усталостью после погожего весеннего дня возвращаются с поля — вспахано, засеяно, гудят кости».

Вшедшие в сборник повести написаны с присущей Тендрякову реалистической точностью и густотой, верностью и емкостью деталей, с все нарастающим напряжением. Впрочем, сюжетная драматичность в каждой из этих повестей нужна писателю никак не для внешнего «обострения». Герой остается один на один со своей совестью. И уж тут не спрячешься, не отведешь глаза, не укроешься за красивой фразой. Человек стоит здесь свою истинную цену.

Нетерпеливое стремление во что бы то ни стало высказать и донести свою мысль, свою правду покоряет в повестях Тендрякова. Есть тут, конечно, и своя оборотная сторона. Порой писатель идет, что называется, напролом, порой его героям недостает художественной плоти, читатель перестает их видеть и ощущать. Однако едва ли можно согласиться с критиками, обвинявшими первые две повести в монументальности: какое уж тут резонерство, когда открытие истины совершается на наших глазах, когда и герой, и читатель, и автор одновременно увлечены одной страстью постижения, утверждения мысли.

В. Тендряков. «Находка». Издательство «Советская Россия», М. 1966.

В «Находке» действие разворачивается стремительно, хотя написана она словно бы неторопливо: «скисает» гнилой осенний день, тонкая земля, облетевшие кусты и деревья, «ступая равнодушная свинцовость» озера, к которому выходит Русанов — прямо к костру. Вокруг костра сидят рыбаки, варят уху. А в котле сига — ценная порода рыб, каждую рыбку положено сдавать государству. И хотя другие инспекторы на подобные нарушения смотрят сквозь пальцы, Трофим составляет акт, а потом, озлившись, выливает в костер и сытно пахнущую уху. («Не хорошо?.. Коли б все такие нехорошие были — жили б, беды не знали. Эх, дрянный народ, сволочь на сволочи...») Одним словом, конфликт заявлен стремительно и определенно.

Трофим Русанов всегда был убежден, что знает правду и что живет по ней. И когда в детстве подписывал заявление, что батрачил на дядю и его шестерых детей («Эксплуататор, надо раскулачить»), и когда по его жалобе отправили из деревни неведомо куда его же тестя — «непугевого деревенского скомороха», распевавшего про зятюшку злые частушки («Вражеская агитация»), и когда неумоимо высматривал, выслеживал рыбаков, наказывал за малейшие нарушения. Он привык ловить угрюмые, неодобрительные взгляды, никому не верил, неизменно подозревал окружающих, твердо знал, что вокруг жулики.

И вот такой человек находит в заброшенной лесной избушке только что родившегося, живого еще младенца. И тут его ярость и недоброжелательство ко всем получают совершенно конкретный адрес: «Дознаться бы... Эх, дознаться — откуда? Из какой деревни?.. Живыми бы таких закапывал в зем-

лю...» Он одушевлен этим справедливым и злорадным мстительным чувством, оно поддерживает его, когда он плутает по лесу с умирающим ребенком на руках и никак не может найти дорогу, когда, выбравшись все-таки из леса и похоронив ребенка, неумоимо начинает свой «розыск» преступницы.

Но вся эта история — «находка» — не просто целенаправленно постоянно горевшее в герое мстительное чувство: в нем проснулось что-то совсем новое, поначалу ему самому непонятное и им неосознанное. Оно шевельнулось в нем уже в лесу, когда жевал он на соску младенцу, глотая голодную слюну, последний кусок хлеба, когда, проваливаясь в болото, грел ребенка своим теплом. Оно уже жило в нем, когда, похоронив девочку, оглянувшись, он навсегда запомнил свежий, торфянисто-траурный холмик над озером. Оно зреет и растет в нем, пока Трофим рыщет по окрестным деревням. И когда однажды она сама пришла к нему (это, кстати, прекрасно написанная сцена), ее приход явился лишь последним толчком, довершившим уже сделанное.

На женщине мужской обвисший ватник, платок повязан по-старушечьи, линиялая ветхая юбка, покоробленные сапоги. Молчит, прячет лицо, смотрит в пол, потом начинает рвать верхнюю пуговицу, узел платка, освобождает горло, глядит выбеленными ужасом глазами и накопец едва выговаривает непослушными губами: «Поведи меня к кому нужно...». «Кабы меня кто убил теперь...» И Трофим чувствует пустоту в душе вместо ожидаемого гнева.

Ну, а само преступление, торфяной холмик над свинцовым озером? Как быть с этим? Достоевский сказал однажды: «Войдем в залу суда с мыслью, что и мы виноватые...» Не закрывать глаза на совершенное, не скрывать

правду — это называть злом, но знать и свою вину в случившемся. Не забывать и о своей личной ответственности за все, что происходит вокруг.

В повести Тендрякова суд свершился. Преступление названо, преступник наказан, но человек в нем спасен. Клавдия Ечинной девятнадцать лет. «Ты еще четырежды столько проживешь, — торопливо говорит Трофим, чувствуя, как важны сейчас для нее эти его человеческие слова. — Еще человеком станешь, замуж выйдешь, детей нарожаешь...» И в том, как слушает Клавдия эти слова, вытирая грязным кулаком слезы, залог того, что так и будет.

Но главное в повести — это все-таки сам Трофим Русанов. Тендряков написал повесть о том, как деятельная душевная любовь спасает человека, которого уже, казалось бы, не спасешь, — заостренного, ожесточившегося, словно бы убежденного в правоте неверия к человеку, в его ничтожестве перед делом, которому он служит.

Тендряков выбрал для своего анализа случай особенно трудный, но именно поэтому ему и удалось сказать здесь так много. Ведь если и в Трофиме — Карге под годами казенных напластований и душевной черствости живет человек — добрый, чуткий, сочувливый, самоотверженный, то сколько еще возможностей открывается нам в будущем! Сколько, оказывается, сил в человеке, как безграничны его любовь и доброта! И воинству, ничто доброе не пропадает в мире. «Я вот тебе помогу, может, и ты, когда кому сможешь — не отплюнешься, не отрестись...» — говорит Клавдия Трофим Русанов.

Новая книга В. Тендрякова — повесть, прочитанная нами еще раз и заново. — с несомненностью убеждает в том, что перед нами писатель внимательный и глубокий, для которого необычайно важно пробуждение человеческого в людях, твердо верящий в неисчерпаемость добрых сил в человеке. Это очень характерно для Тендрякова и выражает одну из главных нравственных идей его творчества, лежащую в русле гуманистической традиции русской литературы.

Ф. СВЕТОВ